

С. М. Толстая
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

ВЕРА И ПРАВДА: К ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ

В статье рассматривается семантическая история двух праславянских слов — **věra* и **pravьda* (и родственных им), имеющих много общего в своих значениях и употреблениях. Их современные философско-эпистемологические значения ‘вера’ и ‘правда’ являются результатом длительных процессов семантической деривации: **věra* восходит к и.-е. корню со значением ‘истинный, правильный’ и родственно лат *verum*, нем *wahr* и т. д., а **pravьda* производно от **pravъ* в значении ‘прямой’. Оба слова являются терминами древнего славянского права со значением ‘договор, соглашение, обязательство’ и далее ‘закон, установление, право’; в некоторых славянских языках эти значения сохраняются до сих пор: у **pravьda* — в юридическом дискурсе, у **věra* — в свадебной терминологии, восходящей к языку права.

Ключевые слова: славянские языки, лексика, семантика, этимология, юридический дискурс, история понятий, вера, правда.

Когда говорят об истории понятий, то обычно имеют в виду их содержание и способы их языковой экспликации в разные эпохи, каждый из которых отражал какие-то существенные изменения в структуре понятия. Иначе говоря, рассмотрение исходит из единицы смысла и имеет целью выяснить, как этот смысл модифицируется разными языковыми выражениями в разных контекстах и в разные исторические эпохи. Например, в книге Ю. С. Степанова «Словарь русской культуры» [Степанов 1997] обширные главы посвящены концептам ВЕРА и ПРАВДА, в них рассматривается история этих понятий начиная с индоевропейского состояния, их разнообразное «профилирование» в разных текстах и контекстах, но во всех случаях речь идет о вере как религиозном понятии и правде как категории этической и эпистемологической, т. е. о понятиях, соответствующих лишь одному из значений (или одному из блоков значений) многозначных русских слов *вера* и *правда*. Но есть и другая история понятий. Я бы хотела вслед за Э. Бенвенистом [Бенвенист 1995] исходить не из единицы смысла (т. е. концепта или понятия), а из языковой единицы, т. е. из семантики слов *вера* и *правда*, и постараться проследить, как

происходила их семантическая деривация и какие понятия и почему вовлекались в их смысловое поле на разных этапах этой эволюции. Иначе говоря, меня интересует семантическая история единиц лексической системы — продолжений праславянских слов **věra* и **pravьda*, т. е. смена, расширение и сужение понятий в пределах данных лексико-семантических гнезд.

Каждое из этих слов многократно и в самых разных аспектах было предметом изучения в русской и славянской лексикологии и этимологии. Естественно, встает вопрос: почему я их объединяю? Можно привести несколько причин. **Во-первых**, эти два слова образуют некий смысловой бином, они нередко в текстах «тяготеют» друг к другу, что свидетельствует об их семантической связи (ср. *служить верой и правдой*). Можно указать и другие подобные биномы: *честь и слава*, *вера и надежда*, *правда и истина*, *радость и веселье*, о которых существует большая литература¹. **Во-вторых**, *вера* и *правда* часто бывают синонимичными, ср. *верно* и *правда*, служащие для подтверждения сказанного, выступающие как знак согласия; *верно* и *правильно*², *вероятно* и *правдоподобно* и т. д. **В-третьих**, эти слова часто употребляются в одних и тех же ситуациях и контекстах, например в юридическом дискурсе, где *вера* и *правда* имеют одинаковое значение «клятва», о чем дальше будет речь. **В-четвертых**, их семантическое родство находит проявление в словарном толковании: *вера*, как правило, толкуется через *правду* (но не наоборот), например, ст.-слав. **вѣрнь** получает дефиницию «правдивый, верный, достоверный»: **вѣрно слово** [SJS 1: 378], **оувѣрити сѧ** «оправдать себя» [SJS 4: 592]; рус. *верить* в главном значении — «принимать за истину». В Словаре Академии Российской приводятся сложные слова с *вѣро-*, отсутствующие в современном языке, которые также толкуются через понятие правды: *вѣроимно* «почитая что за правду», *вѣроподобіе* «правдоподобие, некое сходство с истиною», *вѣроятіе* «принятие чего за истину, признание чего за сходное с правдою»: *Слух сей заслуживает вероятия* [САР 1: 1009–1011]. Ср. также рус. диал. (арханг.) *верность* «справедливость, истина»: *Нет, не жалко, а я из верности говорю, что вы получаете неверно* [АОС 3: 118]. Аналогичные примеры толкований можно найти в словарях других славянских языков, ср. ст.-пол. *wiara* «zgodnie z prawdą, bez kłamstwa» [в соответствии с правдой, без обмана], *wierny* «prawdziwy, niefałszywy» [правдивый, нефальшивый], *wiernosc* «prawdziwość, veritas» [правдивость, veritas] [SSp X 2(62): 182], пол. *wierzyć* «przyjmować, uznawać coś za prawdę» [принимать (признавать) что-л. за правду] [Boryś 2005: 696] и т. д. Наконец, **в-пятых**, *вера* связана с понятием

¹ См. [Лихачев 1965; Лотман 1967; Hafner 1981; Успенский 1983: 112–113; Толстой 1984; Толстые 1993; Арутюнова 1998; Толстая 2012а; 2012б; 2013]. В двух последних парах (*правда* — *истина* и *весел* — *рад*) семантическое соотношение сопрягаемых понятий обратно современному: *истина* и *радость* ассоциируются с землей, т. е. с земным миром людей, а *правда* и *веселье* — с небом, т. е. с высшим, божественным миром. Ср.: *Истина от земли воссия, и правда с небес причине* [Даль 3: 379], *Да веселятъ сѧ небеса і радуѣтъ сѧ землѧ* Пс 95: 11 (Синайская псалтырь) [SJS 1: 181].

² О них подробно писала Н. Д. Арутюнова, указавшая на контексты, в которых *верно* и *правильно* различаются [Арутюнова 1998: 576–581].

«правда» этимологически: по наиболее распространенной версии, праслав. **věra* родственно латинскому *verus*, немецкому *wahr* и т. д. со значением ‘истинный, правдивый’ [Фасмер 1: 292–293].

Вместе с тем эти два слова (*вера* и *правда*) во многом существенном различны, они различны прежде всего по своей логической природе. В самом деле, *вера* и ее семантические дериваты, как правило, обозначают внутреннее свойство (или состояние) человека, и в этом отношении *вера* подобна таким словам, как *чувство*, *знание*, *надежда*, *радость*, которые соотносятся с предикатами *чувствовать*, *знать*, *надеяться*, *радоваться* (к ним может быть причислен и соотносительный с *верой* предикат *верить*), тогда как *правда* в своем исходном значении относится к абстрактному свойству, не связанному с внутренним миром человека, и определяется как соответствие, верность действительности или как соответствие некоторой норме или образцу (*стремиться к правде избрания*) и далее (метонимически) может означать объект — «то, что соответствует действительности; истина» [БАС 11: 5], при этом в качестве объекта выступает слово (*сказать правду*) или действие, ситуация, положение дел (*узнать правду*, т. е. узнать, как это было на самом деле). Иначе говоря, *вера* всегда чья-то, а *правда* обычно ничья, общая, *вера* субъективна, а *правда* объективна³. Из этих существенных различий вытекают дальнейшие семантические линии деривации, которые, с одной стороны, усиливают расхождение этих двух слов, а с другой — сближают их.

Но как из исконного значения ‘правда’ получилось значение ‘вера’? Превращение правды в веру в праславянском слове **věra* предполагает обращение внутрь, интериоризацию понятия правды, т. е. перенесение смыслового акцента с абстрактного свойства (отношения) на внутреннее свойство или состояние субъекта-человека и его потребность и способность устанавливать соответствие слов и дел действительному положению вещей или некоторой норме (тому, каким должно быть положение вещей). В некотором смысле результатом интериоризации можно считать и одно из значений *правды*, а именно значение ‘справедливость’ в качестве характеристики человека и далее значение ‘правота’ (ср. *твоя правда* = ты прав, твоя правота).

Праславянский глагол **věriti*, как и его продолжения в славянских языках, является в своем основном значении предикатом мнения и означает ‘считать нечто правдой, т. е. соответствующим действительности’. В зависимости от управления *верить* может означать разное, в разной степени связанное с понятием правды. Имеются в виду основные конструкции — 1) верить, что *P* (т. е. *верить* плюс пропозиция); 2) верить кому/чему и 3) верить во что / в кого⁴. Каждая из этих конструкций в семантическом отношении своеобразна:

³ Подобные логико-семантические различия между *верой* и *правдой* характерны и для других славянских языков.

⁴ Семантический анализ польского глагола *wierzyć* см. в работах А. Вежбицкой [Wierzbicka 1971] и З. Зарон [Zaron 1993]. В последней из них сформулированы задачи для будущих исследователей и, в частности, изучение оппозиции «верить — знать» и корреляции «вера — правда».

верить, что Р — ‘считать, полагать нечто’ (*верить, что все получится; не верить, что это поможет*) — здесь понятие правды по существу вообще устранено или растворено в значении ‘считаю правдой, что’ (но ведь и всякое *считаю, что* имплицитно значит ‘считаю правдой, что’). Еще сильнее семантика мнения свойственна диалектным употреблением, например, рус. диал. *верится* означает ‘кажется, мнится, думается’: пенз. *Верится мне, что он лжет; Верится, что он из нашей местности*; в прошлом значение мнения имело и существительное *вера*: *Я всегда был той веры, что...* [СРНГ 4: 119–120];

верить кому-нибудь означает ‘считать правдой сказанное им’; в конструкции **верить чему-нибудь** объект, как правило, тоже относится к речи: *верить словам, сообщению, объявлению, известию* и т. п., хотя можно верить и чувствам, и намерениям (тоже обычно высказанным);

верить во что-нибудь имеет три разных значения: 1) ‘считать нечто существующим в настоящем или имеющим быть в будущем’ (*верить в Бога, верить в сглаз, в судьбу, в удачу, в счастье, в бессмертие души, в коммунизм* и т. п.), либо 2) считать нечто (слова, мнения) соответствующим действительности (*верить в приметы, в предсказания*, т. е. не в существование примет, предсказаний, как в первом значении, а в правдивость их содержания), либо, наконец, 3) с включением оценки — ‘считать нечто положительным, результативным, приносящим благо и т. п.’, т. е. ‘надеяться, рассчитывать на что-либо’ (*верить в будущее, в свои силы, в талант, в человека*).

Возможны, конечно, и неопределенные, и совмещенные значения, например, *верить в дружбу* может означать и то, что дружба существует (значение 1), и то, что дружба — это благо (значение 3); выражение *верить в Бога* может пониматься и как признание существования Бога (значение 1), и как надежда на то, что Бог поможет (значение 3). В диалектах известны и другие конструкции с глаголом *верить, веровать*, например «верить что-л». (с прямым дополнением) в значении ‘понимать’: рус. карел. *Кони веруют мой разговор* [СРГК 1: 178] и др.

Все это разные значения глагола *верить* и имени *вера*, но все они относятся к ментальному миру человека. Многочисленные приставочные дериваты глагола *верить* (*вверить, доверить, заверить, поверить, проверить, сверить, уверить* и т. д.) семантически далеко отстоят от производящего бесприставочного глагола и в разной степени сохраняют и усложняют исходную семантику правды как соответствия действительности (например, *заверять* значит ‘утверждать или подтверждать правду чего-л.’, по определению [БАС 4: 289], в одном из двух значений *заверять* — это ‘удостоверять правильность или подлинность чего-либо (документа, копии и т. п.)’, *сверять* — ‘сравнивать объекты с целью установить их тождество’ и т. п., согласно [БАС 13: 322–323] — ‘сличать с чем-либо, взятым за образец, с целью проверки; проверять, сличая’). Но об этом сейчас нет возможности говорить подробнее.

Отмеченная «интериоризация» правды в гнезде **věra/věriti* не остановилась на семантике мнения, а продолжила свое «углубление» во внутренний мир человека, что привело к появлению таких модальных значений, как рус. диал. *вера*

‘желание’, ‘охота’, ‘намерение’ и далее *невера* со значением ‘не следует, нельзя’. Ср. вологод. *У меня и веры не было по гостям ходить*; с.-рус. *Мне вера есть жесниться*, арханг. *Покинь, брат, водку-то, не вера тебе пить* [СРНГ 4: 119–120]; олонек. *Она верует за него замуж* [Там же: 147]. Но далее то, что считается желанным, предпочитаемым, признается правильным, начинает пониматься как норма, и появляется распространенное в русских диалектах значение *вера* ‘обычай, обыкновение, привычка’: иркут. *У них такая вера, чтоб непременно попотчевать* [Там же: 119–120] или карел. *Ране веры не было в избах оклеивать* [СРГК 1: 178].

В наибольшей степени, однако, слова *вера* и *правда* сближаются в **правовом дискурсе**: оба слова являются терминами древнего славянского права.

Правовая семантика хорошо известна для слова *правда*, одно из значений которого — ‘закон, установление, положение’ (ср. название древнерусского свода «Русская Правда» и «Уложение Алексея Михайловича», Статут). В разных славянских языках и на разных этапах их исторического развития соотношение юридической и общеправовой (эпистемиологической) семантики в гнезде праславянского **pravьda* неодинаково. Так, в современном русском языке правовая семантика сохраняется лишь в официальной формуле-клятве (калькирующей иноязычную формулу) «говорить правду, только правду и ничего, кроме правды» и глаголе *оправдать* и его дериватах, но в древнерусском и старорусском языке она была известна шире, ср. данные Словаря древнерусского языка: *правьда* ‘обет, обещание’, *затеряти правьдоу* ‘нарушить обет, клятву’; *правьда* ‘договор’, ‘закон’, *без правьды* ‘незаконно’, *въ правьдоу* ‘на законном основании’; *правда* также и ‘судебное разбирательство, суд’, *вылазити на правьдоу* ‘приходить в качестве свидетеля’; *праведщик* ‘судебное должностное лицо’ (новгородская грамота № 154), *взяти правьдоу* ‘выиграть иск’, *погубити правьдоу* ‘проиграть иск’ [СДРЯ 7: 453–455]. В. И. Даль приводит *правда* в значении ‘обещание, обязательство, клятва’ в формуле: *давать на чем правду* ‘присягать’; *правдовать* ‘начальствовать, управлять, судить и рядить’, *правда* стар. ‘пошлина за призыв свидетеля к допросу’, а также ‘свидетель, притомный, послух’: *Судьи велели истцову и ответчикову правду перед себя поставити* [Даль² 3: 379–380].

Вероятно, из всех славянских языков дальше всего семантика права в этом слове зашла в словенском литературном языке и словенских диалектах, где *právda*, кроме общеславянского значения ‘правда, справедливость’, имеет значения ‘тяжба’, ‘судебное дело’, ‘судебный процесс’, ср.: *imeti pravdo s kom* ‘иметь тяжбу с кем-л., судиться с кем-л.’, *dobiti pravdo s kom* ‘выиграть дело’, *zgbiti pravdo* ‘проиграть дело’, *právdanje* ‘тяжба, процесс’, *právdati se* ‘судиться, вести тяжбу, сутяжничать’, *právdar* ‘тяжущийся, сутяга’, *právderski* ‘сутяжнический’, *právden* ‘судебный’, *právnik* ‘прокурор’ [Kotnik 1967]. В диалектах словенского языка *pravda*, *pravdanje* также означает ‘спор, препирательство, пререкание’: *va te xi:še vavèk pra:uda* [в этом доме вечно препирательство], *pravdati se* ‘препираться, пререкаться’: *pra:udat se s sinòm kè ne pôslü:ša* [препираться с сыном, который не слушается] [Gregorič 2014: 325]. Ср. выражение *právda za ôslovo sé-ncso* ‘препирательство по пустякам’ (букв. ‘спор о тени осла’) [Keber 2011: 746].

Те же значения известны, хотя и в меньшей степени, в сербском языке: *pravda* 2а. ‘парба, парница, распра’ [тяжба, разбирательство, спор, распря], 2б. ‘свађа, кавга, препирка, размирица’ [ссора, скандал, препирательство, раздор]: *мало те није опет настала вика и правда* [чуть опять не начался крик и скандал] [РМС 4: 839], а также в языке хорватского права: *pravda* ‘judicium, sud, sudište’ [judicium, суд, судебный процесс]: *nitko neima sam sebi pravde činiti* [никто не может сам себе суд чинить] (polj. 77, čl. 69а), *pozvati pred pravdu* ‘вызвать на суд’, пра, парба’ [ссора, распря], ‘controversia, pravdanje, svada, svadja’ [controversia, тяжба, ссора] [Mažuranić 2: 1078].

Исконную юридическую семантику слова *pravda* можно предполагать и для чеш. выражения *pravda boží*, которое толкуется как ‘тот свет’: *je na pravdě boží* ‘отдал богу душу, приказал долго жить, преставился’ (букв. ‘он на божьем суде’); *sejít na pravdě boží* ‘встретиться (сойтись) на том свете’ (букв. ‘встретиться на божьем суде’); *odejít na pravdu boží* ‘отдать богу душу’ (букв. ‘уйти на божий суд’); *zít si (cj) s sebou na pravdu boží* ‘унести с собой в могилу’ (букв. ‘взять с собой на божий суд’) [Mokienko, Wurm 2002: 405–406]. Разумеется, предложенные в словаре толкования для современного языка верны, но буквальное значение фразеологизма *pravda boží* реконструируется как ‘суд божий’, что согласуется со словенскими юридическими контекстами.

В меньшей степени юридическая семантика сохранилась у слов гнезда **věra/věřiti*, но все-таки таких свидетельств немало. Практически все они связаны с понятием обещания, обязательства, клятвы, присяги и включают, таким образом, *веру* в обширный синонимический ряд слов: **kletva*, **prisěga*, **rota*, **rōka*, **duša*, **slovo*, **rečь*, используемых в формулах клятвы. Исторические свидетельства такой семантики известны по древнейшим текстам. В новгородской грамоте № 724 (XII в.) употреблено выражение *уречи въ вѣрѣ*, которое А. А. Зализняк трактует как ‘заявить под клятвой (клятвенно)’ и соответственно *вѣра* определяет как ‘клятва, присяга’ [Зализняк 2004: 353]. По предположению А. А. Зализняка, «*вѣра* в этом своем значении является исторической преемницей роты, т. е. ее христианизированной формой. Примеры для *вѣра* ‘клятва’, представленные за рамками берестяных грамот, не старше XVI в.; грамота № 724 показывает, что этот термин в действительности появился не позднее XII в.» [Там же: 353–354]. Я не думаю, что *вѣра* является христианизированной формой роты. Оба слова в значении клятвы или обещания, обязательства употребительны, хотя и в разной степени, как в языке древнего права, так и в мифопоэтическом языке.

Рота по своей семантике и употреблению близка к *клятве*, ср. др.-рус. *рота* ‘клятва, божба, присяга’, *водити (въводити) ротѣ (къ ротѣ)* ‘заставлять клясться, приводить к присяге (при заключении мирного договора)’, *взимати ротоу* (с кем-л.) ‘давать клятву’, *вънити въ ротоу* ‘дать клятву (при заключении договора о мире)’, *заходити ротѣ* ‘принести клятву’, *ити ротѣ (на ротоу)* ‘клясться, давать клятву’, *поити на ротоу* ‘принести клятву’, *потѣптати ротоу* ‘нарушить клятву’, *ходити ротѣ (на ротоу)* ‘клясться, давать клятву’, *ротитисѧ* ‘клясться, уверять в подлинности своих слов’ [СДРЯ 9: 456], рус. диал. *рѳта* ‘клятва, обет,

присяга, заклинание' [СРНГ 35: 204]. *Рота* и *клятва* и соответствующие глаголы *ротиться* и *клясться* часто употребляются совместно в юридических формулах, ср. др.-рус. *кленуцимса и ротаци(м) не токмо клатиса възбраняють клирикомь, нь ни такоже ротитиса; о ротацихса і кльнуцимса подобають не добръ клатиса не тако погоубить мечь якоже клатвы язва, ротивыиса аще мнить са живь, оуже оумре* [СДРЯ 10: 459].

В сербскохорватском *rotiti (se)* в значении 'клясться' также регулярно сочетается с другими членами синонимического ряда, прежде всего с **kleti (se) / *kletva*, ср. *vera i rota, rota i kletva, rotom i dušom, rotom ili zakletvom: Sagrišuje, koji rotom ili zakletvom... krivo kune* [Согрешит тот, кто ротой или клятвой ложно клянется]; *rotiti i zakleti, zaklinati se i rotiti, prisezati i rotiti se, rotiti se i priseći, kleti i rotiti se: A on se poče kleti i rotiti* [А он начал клясться и ротиться]; *Rotismo se na svetomь evanđeliju i na časnimь i životvorećimь krъsti Hristevi; Rotismo gospodinu vojvodi* [Клянемся на святом евангелии и на честном и животворящем кресте Христовом; Клянемся господину воеводе]; *rotiti se krivo* 'присягать, клясться ложно', *rotoloman = krivokletan* 'клятвопреступник', *rotnik, porotac, porotnik, prisežnik = kletnik* 'тот, кто клянется' [RHSJ XIV: 182–185].

Однако по способу категоризации понятия обещания, клятвы **kletva* и **rota* различны. Действительно, *клятва* — дериват глагола **kleti (se)*, обозначающего 'бранить, проклинать (себя)', откуда в одних славянских языках *клятва* означает 'проклятие' (как дериват **kleti*), в других — 'клятва' (как дериват возвратного *kleti se*), тогда как *рота*, по предположению О. Н. Трубочева, производно от **rek-* 'говорить, сказать', ср. *зарок, зарекаться* (= 'клясться не делать чего-л.') (есть и другие этимологические версии, см. [Фасмер 3: 507]). Для **kletva*, таким образом, сочетание значений клятвы и проклятия объяснимо [Толстая 2015а], однако семантика брани и проклятия отмечается и у глагола *ротити(ся)*, что объяснить труднее. Так, В. И. Даль (а вслед за ним и СРНГ) приводит глагол *ротить* в значении 'бранить, ругать, клясть, проклинать' (правда, ввиду немотивированности и странности такого значения В. И. Даль под вопросом предполагает, что это дериват от *рот*); в той же статье он приводит *ротá, ротьбá* — в закономерном значении 'божба, клятва, клятьба' ([Даль² 4: 105]; *клятьба* скорее всего следует понимать как заклинание). В русских говорах, по данным СРНГ, *ротиться* означает 'клясться и божиться' (арханг., волог., иркут., сиб., якут.): *Нешто они присягают по нашему, они ротятся своими идолами; ротник* 'тот, кто дал клятву (роту)' [СРНГ 35: 205]. Любопытно, однако, что значение брани у глагола **rotiti (se)* находим в ст.-чеш. *rotiti* 'ругать(ся), бранить(ся)', *rotiti se* 'спорить, ссориться', чеш. диал. *rotit* 'ругать(ся), бранить(ся), корить, упрекать, порицать' [Янышкова 2013], а также в хорватском и словенском: *rotiti se*. Приходится предполагать, что семантика брани и проклятия, «этимологически» оправданная для **kletva*, вторично воспринята гнездом **rota / *rotiti (se)* под влиянием архаического обычая клясться способом «самопроклятия», ср. замечание В. И. Даля: «ротá, особ. заклинанья вроде: *отсохни рука* (если неправду говорю); *чтоб мне провалиться, не видать детей, дай Бог лопнуть* и пр.» [Даль² 4: 105]. Ср. еще рус. диал. (вологод.) *клясться* 1. 'браниться,

ругаться'. *Перестань не по делу клясться*. 2. 'неприлично браниться, материться'. *Мужики-то сидят пьяные на завалинке, курят да клянущия* [СВГ 3: 70]⁵.

Обратимся теперь к *вере* в юридическом значении. В старославянском языке собственно правовая семантика *веры* не отмечена; единственным примером, прямо относящимся к юридическому дискурсу, можно считать глагол оувѣрити сѧ в значении 'оправдать себя': *сѣвѣдѣннѣ твоѣ оувѣриши сѧ сѣло* [SJS 4: 592]. В древнерусском языке, как уже было сказано, *вѣра* имеет среди прочих значение 'обещание, заверение': *да въдасть вѣроу ѡко ничтоже зла не створить ѡмоу*; глагол *вѣритисѧ* означает 'клясться' [СДРЯ 2: 299]. В. И. Даль приводит с пометой *стар.* значения *вера* 'клятва, присяга', *веритисѧ* 'присягать, принимать присягу', *вероломство* 'нарушение клятвы' (< *ломать клятву, присягу*), *вероятие* 'принятие чего-л. за истину', *вероятность* 'правдоподобие' [Даль² 1: 813–814]. Ср. также пск. *вера* 4. присяга, клятва [ПОС 3: 77–78]. Близкое к этому правовое значение 'обещать, клясться' сохраняет кашубский глагол *várovac sq* 'клясться': *Abo sq váruješ, abo ñe, já ce tak i tak ñe veřa* [Клянешься ты или нет, я тебе все равно не верю], *zavárovac sq* 'поклясться, принести присягу': *Zaváruj sq* [Поклянись]; глагол известен также в говорах Кочевья: *várovac še* [Sychta 6: 120], а также макед. *вери вера*, *врзе вера* 'дать слово, поклясться', *држи вера* 'исполнить обещание, клятву' (ср. рус. *держать, сдерживать слово*), *обет*, *прави вера*, *стори вера*, *чини вера* в том же значении 'поклясться' (букв. 'сделать веру'), *на вера* 'в кредит': *купих коња на вера* [купил коня в кредит] [РМНП 1: 239–240].

Формулы с термином *вѣра* в старосербских деловых текстах (в отличие от славяносербских текстов, продолжающих старославянскую традицию, где семантика *веры* сформировалась под влиянием греч. *πίστις*) и особенно формулу *дати вѣру* 'дать слово, обещать, заключить соглашение' и конструкции (делать что-л.) *на вѣру / на вѣрѣ* недавно изучала специально Ямина Гркович-Мейджор [Гркович-Мейджор 2015]. Она показала, что эти формулы находят параллель в других индоевропейских языках (лат. *fidem dare*, греч. *πίστιν δοῦναι*, алб. *dhashë besën*); они сохраняют не только древнюю структуру, но и архаическую семантику входящих в них терминов. Для *вѣры*, по мнению Я. Гркович-Мейджор, следует считать исходным значением 'союз, соглашение, договор'. Наряду с *вѣра*, в этих же формулах выступают и *клетва*, и *обѣитание*, и *рѣчь*, и *рука*: *дати/држати клетву, обѣитание, рѣчь, руку*. Эти же слова замещают друг друга и в других формулах — с глаголами *држати* 'держать', *потвърдити*, *поставити*, а также *прѣкръшити* 'разрушить', *изломити* 'сломать' (ср. *вероломный*), *погазити*, *покварити*, *разбити* 'разбить'. В подтверждение исконности этих формул в работе приводятся примеры из сербской народной поэзии: «Вјеру дајте, да ме не варате!; Већ дај мене твоју вјеру тврду; И ту Божју вјеру зададоше; Краљ Вукашин вјеру погазио; Ђе ће краље мене да превари, и на вјери мене да погуби» (*Вук*) [Поклянитесь, что

⁵ В последнем случае возвратная форма глагола *клянутся*, скорее всего, восходит не к праславянскому *kleŕi se* со значением 'клясться, давать клятву', а является омонимичной формой невозвратного глагола *kleŕi* 'клясть, проклинать', ср. *ругать* и *ругаться*.

меня не обманываете! Дай мне твердое слово (веру); Той Божьей клятвой (верой) они поклялись; Король Вукашин клятву (веру) нарушил; Где король меня обманет, и «на вере» меня погубит»; «Али ти се ја краљу, вјером божјом заклињам; Ако ћете нам дати ту перашку вјеру тврду; Предајте се сад на добру вјеру» (*Богшић*: 38, 176, 180) [Но я тебе, король, божьей клятвой (верой) клянусь; Если нам дадите твердое перашское (от топонима *Пераст*) обещание (веру), отдайтесь сейчас «на добрую веру»] [Грковић-Мејдор 2015]⁶. Словарь Матицы сербской для слова *вера* приводит значение ‘задана реч, обећање и поверење, кредит’ [данное слово, обещание и доверие, кредит]: «У цепу није имао паре, а на вјеру му нису ништа дали» [В кармане у него не было денег, а в кредит ему ничего не дали] [РМС 1: 353].

Вера в юридическом значении употребляется и в языке традиционного свадебного обряда, который, по существу, составляет подраздел языка права: с.-х. *верити се* ‘обручаться, заключать помолвку’, *веридба* ‘помолвка, обручение’, *вјереник* ‘жених’, *vjeriti koga (za koga)* ‘обручить кого-л. (с кем-л.)’, *vjeriti* ‘обвенчать’, *vjeriiti se za kim, kime* ‘заключить брак с кем-л.’ [RHSJ 21: 92–93]; макед. *вереник* ‘жених’; черногор. *вера* ‘обручальное кольцо’; ср. также некоторые аналогичные словацкие и восточнославянские термины: словац. *vereník*, укр. *вірник* ‘жених’ [Гура 2012: 109, 409, 413], рус. диал. *из веры выйити* ‘расторгнуть помолвку’ [СРГК 1: 172] и др. Ср. также пол. литер. *nie dochować wiary* ‘złamać przysięgę małżeńską’ [нарушить супружескую верность] [SJPД 9: 976]; в.-луж. *wěrować* ‘венчать, сочетать браком’, *wěrować so* ‘венчаться, вступать в брак’, *wěrowanje* ‘бракосочетание’, *wěrowanski* ‘брачный, свадебный’, *wěrowanski ćah* ‘свадебная процессия’, *wěrowanski pjeršćen* ‘обручальное кольцо’ [Zeman 1967: 488]; н.-луж. *wěrowaś* ‘обвенчивать, обвенчать’, *dowěrowaś* ‘обвенчать по нужде, дополнительно обвенчивать’, *hуwěrowaś* ‘довенчивать’, *nawěrowaś* ‘сочетаться браком’, *rozwěrowaś* ‘разводить, развести’, *zwěrowaś* ‘венчать, отправлять венчальные церемонии’, *wěrowańe* ‘бракосочетание, браковенчание’, *wěrowaństwo* ‘венчание, брак, супружество’, *wěrowań* ‘священнослужитель при бракосочетании’, *wěrowański* ‘венчальный, свадебный’ [Мука 2: 854]. С понятием обещания обнаруживает тесную связь и главный западнославянский свадебный термин — **sl’ubъ* [Толстая 2015б].

Итак, синонимичные слова со значением ‘обещание, клятва’ входят в однотипные конструкции в разных языках: **tvьrdъ* + **kļetva*, **věra*, **prisęga*, **rota*, **slovo*, **rěčъ* в значении ‘твердое обещание, честное слово и т. п.’, **krivъ* + **kļetva*, **věra*, **prisęga*, **rota* в значении ‘ложная клятва’; **dati* + **kļetva*, **věra*, **prisęga*, **rota*, **slovo*, **roka* в значении ‘дать клятву, обещание’ (ср. рус. *пучатся, обпучиваться*), **dbržati*, **izpъlniti* + **kļetva*, **věra*, **prisęga*, **rota* в значении ‘соблюдать, сдерживать, исполнять обещание, клятву’, **bъrati* + **kļetva*, **věra*, **prisęga*,

⁶ Цитируемые примеры взяты из следующих источников: Вук — Сабрана дела Вука Караића. Књ. 5. Београд, 1988; *Богшић* — Народне пјесме, из старијих, највише приморских записа. Скупио В. Богшић // Гласник Српског ученог друштва. Друго одељење. Књ. 10. Београд, 1878. С. 1–430.

**rota* в значении ‘принимать присягу, клятву’, **lomiti* + **kletva*, **věra*, **prisega*, **rota* в значении ‘нарушить обещание, преступить клятву’ (ср. рус. ц.-слав. *вероломный*, серб. *вероломан*). Они также часто в этих формулах употребляются совместно, например *верой и клятвой*, *верой и правдой*, *верой и душой*, ст.-серб. *да присегу нихъ вѣромъ и душомъ и клетвомъ да буду вѣрни* [Грковић-Мејдор 2015], *клясться и ротиться*, *клясться и присягать* и т. п.; *дать клятву* и *дать слово*, *дать руку*, ср. *ручаться*, *обручиться*, чеш. *na tou duši!* и *na tou věru!* в значении ‘ей-богу’.

Такого рода контексты подтверждают представление о языке права как о явлении глубокой архаики, слитой с дохристианской мифопоэтической традицией, о чем убедительно писали Э. Бенвенист [Бенвенист 1995: 299–342], В. В. Иванов и В. Н. Топоров [Иванов, Топоров 1978; 1981] и многие другие авторы, а Б. О. Унбегаун говорил о «существовании устного обычного права еще в “до-церковно-славянскую” эпоху, т. е. до крещения Руси. Право это как бы только и ждало введения письма, чтобы быть закрепленным на бумаге» [Unbegaun 1969: 313]. Виктор Маркович писал, что «славянское право связано в своих истоках со славянским язычеством. Соответственно, архаическая юридическая традиция является частью языческой культуры» [Живов 2002: 191]. Поэтому скорее следует говорить о приобретении «языческими» юридическими терминами философско-религиозного значения, чем о приспособлении религиозного термина *вера* к традиционному правовому дискурсу.

Таким образом, *вера* и *правда* предстают как синонимы, совпадающие в архаическом языке славянского права во многих (но не во всех!) своих значениях, употреблениях и контекстах (формулах), нередко восходящих к общеиндоевропейской юридической традиции и терминологии. При этом они изначально по-разному категоризируют выражаемые ими понятия единого концепта правды: *вера* — «изнутри» человека, исходя из его ментального мира, а *правда* — извне, из социальной действительности, но в юридическом дискурсе они сближаются и оказываются взаимодополняющими. Б. О. Унбегаун и В. М. Живов разбирают лексические оппозиции языческих и церковнославянских терминов русского права типа *правда* — *закон*, *видок* — *послух* — *свидетель*, *холоп* — *раб*, *дом* — *имение*, *задница* — *наследие*, *головник* — *убийца*, *человек* — *лице* и т. п. и, анализируя смену терминов в конкретных юридических текстах (в частности, в списках «Русской Правды»), их постепенную славянизацию, устанавливают характер и степень влияния церковнославянской (византийской) традиции на русскую (славянскую), однако в нашем случае, когда мы говорим о *вере* и *правде*, оба слова принадлежат одновременно и языческому и христианскому (церковнославянскому) языку и культуре, и проследить на их примере взаимодействие двух разных юридических систем, одна из которых языческая, а другая — христианская, можно только «изнутри», т. е. на уровне тонких семантических изменений, которые претерпело каждое из слов, не говоря уже о том, что они являлись ключевыми терминами не только юридического, но и религиозного и общекультурного дискурса.

Литература и сокращения

АОС 1— Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1— М., 1980—.

Арутюнова 1998 — *Н. Д. Арутюнова*. Истина и правда // Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М., 1998. С. 543–642.

БАС 1–17 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1965.

Бенвенист 1995 — *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Грковић-Мејдор 2015 — *Ј. Грковић-Мејдор*. Формуле са именицом *вѣра* у старосрпском језику // Ed. A. Kretschmer, N. Miklas, G. Neweklowsky, S. Newerkla, F. Poljakov. *Philologica Slavica Vindobonensia*. Frankfurt am Main — Berlin — Bruxelles — New York — Oxford — Wien (in print).

Гура 2012 — *А. В. Гура*. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012.

Даль² — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. СПб.; М., 1880–1882.

Живов 2002 — *В. М. Живов*. История русского права как лингвосемиотическая проблема // В. М. Живов. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 187–305.

Зализняк 2004 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Иванов, Топоров 1978 — *В. В. Иванов, В. Н. Топоров*. О языке древнего славянского права (к анализу некоторых ключевых терминов) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 221–240.

Иванов, Топоров 1981 — *В. В. Иванов, В. Н. Топоров*. Древнее славянское право: архаические мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 10–31.

Лихачев 1965 — *Д. С. Лихачев*. Стилистическая симметрия в древнерусской литературе // Проблемы современной филологии. М., 1965. С. 418–423.

Лотман 1967 — *Ю. М. Лотман*. Об оппозиции «честь–слава» в светских текстах Киевского периода // Труды по знаковым системам. 3. Тарту, 1967. С. 100–112.

ПОС 1— Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1— Л.; СПб., 1967—.

РМНП 1— Речник на македонската народна поезија. Т. 1— Скопје, 1983—.

РМС 1–6 — Речник српскохрватског књижевног језика. Књ. 1–3. Нови Сад; Загреб, 1967–1969; Књ. 4–6. Нови Сад, 1971–1976.

САР 1–6 — Словарь Академии Российской. Ч. 1–6. СПб., 1789–1794.

СВГ 1–12 — Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

СДРЯ 1— Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1— М., 1988—.

СРГК 1–6 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.

СРНГ 1– — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.

Степанов 1997 — Ю. С. Степанов. Словарь русской культуры. М., 1997.

Толстая 2012а — С. М. Толстая. «Веселится небо, радуется земля» // Два венка: посвящение Ольге Седаковой. М., 2012. С. 92–101.

Толстая 2012б — С. М. Толстая. К семантической реконструкции слав. **vesel-* и **rad-* // *Praslovanska dialektizacija v luče etimoloških raziskav: Ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezljaja. Zbornik referatov z Mednarodnega znanstvenega simpozija v Ljubljani, 16–18 septembra 2010.* Ljubljana, 2012. С. 257–254.

Толстая 2013 — С. М. Толстая. Русская честь и польский honor // *Etnolingwistyka*. 25. Lublin, 2013. S. 9–21.

Толстая 2015а — С. М. Толстая. Клятва и проклятие в языке и культуре // Ed. A. Kretschmer, H. Miklas, G. Neweklowsky, S. Newerkla, F. Poljakov. *Philologica Slavica Vindobonensia*. Frankfurt am Main — Berlin — Bruxelles — New York — Oxford — Wien: Peter Lang. (In print)

Толстая 2015б — С. М. Толстая. К семантической реконструкции славянской свадебной терминологии // *Zeszyty Łużyckie*. Т. 49. Warszawa, 2015. (In print)

Толстой 1984 — Н. И. Толстой. Слово в сакральном тексте (ритуале): серб. *vesel(ица)* — *Rad(ован)* // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов. М., 1984. С. 96–97.

Толстые 1993 — Н. И. и С. М. Толстые. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. **vesel-*) // *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации*. М., 1993. С. 162–186.

Успенский 1983 — Б. А. Успенский. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.

Фасмер 1–4 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.

Янышкова 2013 — И. Янышкова. Этимологический комментарий к одному чешскому диалектизму // *Slavica Svetlanica. Язык и картина мира*. М., 2013. С. 80–83.

Boryś 2005 — W. Boryś. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 2005.

Gregorič 2014 — J. Gregorič. *Kostelski slovar*. Ljubljana, 2014.

Hafner 1981 — St. Hafner. О semantičkim inovacijama u srpskoj redakciji crkveno-slovenskog jezika // Међународни научни скуп. Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности. Београд, 1981. С. 77–87.

Keber 2011 — J. Keber. *Slovar slovenskih frazemov*. Ljubljana, 2011.

Kotnik 1967 — J. Kotnik. *Slovensko-ruski slovar*. Ljubljana, 1967.

Mažuranić 1–2 — V. Mažuranić. Prinosi za hrvatski pravno-povijesni rječnik. D. 1–2. U Zagrebu, 1908–1922 (reprint — Zagreb, 1975).

Mokienko, Wurm 2002 — V. Mokienko, A. Wurm. *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc, 2002.

- Muka I–II — *E. Muka*. Słownik dolnoserbstekeje řečy a jeje narěcow. I. A–N. Sankt-Peterburg, 1911–1915. II. O–Ž. Praha, 1928. (Praha, 1926; Budyšin, 1966.)
- RHSJ 1–23 — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. JAZU. D. 1–23. Zagreb, 1880–1976.
- SJPD 1–11 — Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. T. 1–11. Warszawa, 1958–1969.
- SJS 1–4 — Slovník jazyka staroslovenského. T. 1–4. Praha, 1966–1997.
- SSp 1–11 — Słownik staropolski / Red. nac. S. Urbańczyk. T. 1–11. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk, Łódź, 1953–2002.
- Sychta 1–7 — *B. Sychta*. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 1–7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1967–1976.
- Unbegaun 1969 — *B. O. Unbegaun*. Selected Papers on Russian and Slavonic Philology. Oxford, 1969.
- Wierzbicka 1971 — *A. Wierzbicka*. *Kocha, lubi, szanuje*. Medytacje semantyczne. Warszawa, 1971.
- Zaron 1993 — *Z. Zaron*. Refleksje na temat wyrażenia *wierzyć* // Nazwy wartości. Studia leksykalno-semantyczne / Red. J. Bartmiński, M. Mazurkiewicz-Brzozowska. Lublin, 1993. S. 231–238.
- Zeman 1967 — *H. Zeman*. Słownik górnołużycko-polski. Warszawa, 1967.

Svetlana M. Tolstaya

*Institute of the Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

FAITH AND TRUTH: ON THE HISTORY OF CONCEPTS

The paper refers to the semantic interpretation of two Proto-Slavic words — **věra* and **pravьda* (including their cognates), that present a lot of similarities in terms of meaning and usage. Modern epistemological meanings of the words ‘faith’ and ‘truth’ are supposed to be a result of longstanding semantic derivational processes: **věra* goes up to i.-e. root with the meaning ‘genuine, veridical’ and is a cognate of Lat. *verum*, Germ. *wahr* etc., whilst **pravьda* derives from **pravь* that meant ‘direct’. Both words appear to be terms of the Ancient Slavic law with the meaning ‘agreement, alliance, obligation’ followed by further ‘law, determination, right’. Certain Slavic languages still keep both meanings - **pravьda* in the juridical language and **věra* in the language of the marriage terminology that derives to the language of the law.

Keywords: Slavic languages, lexicology, semantics, etymology, juridical discourse, history of concepts, faith, truth.